

Константин
АБАЕВ

г. Москва

СОЛДАТ АДОЛЬФ ЗЯБЛИК

рассказ

... За дежурство было шесть вызовов: два инфаркта, инсульт, роды, ножевое ранение – «бытовуха», и приступ острого панкреатита. Задремал под утро.

– Студе-е-ент, на отравление пое-е-едешь? – почти поёт над ухом док и следующей фразой вышибает из меня остатки сна. – Соловьиный проезд. Похоже на попытку самоубийства, как подсказывает мне интуиция. Финальный штрих к твоему репортажу, дядя Гиляй ты наш...

– К-конечно, что за вопрос?! – подсказываю я с раскладушки, протирая глаза. – Момент, только физиономию сполосну!

На первом курсе журфака МГУ мало кто из жаждущих всесоюзной славы пренебрегал возможностью поучиться журналистике в спецсеминаре легендарного Шаха – Владимира Шахиджаняна.

Так, телефоны Аллы Пугачевой, Беллы Ахмадулиной и Эльдара Рязанова я раздобыл, интервью у актёра Вадима Спиридонова, сыгравшего Фёдора Савельева в «Вечном зове», в Сандуновских банях взял, на встрече с Юрием Никулиным в Цирке на Цветном бульваре побывал, теперь на очереди репортаж с дежурства на подстанции скорой помощи. Лучшему репортажу – награда: публикация в центральной прессе.

... Дверь открыл старик в желтой майке с олимпийским Мишкой.

– Сосед я, Михал Егорыч, значит, – представился он. – Я ведь вечером только хотел зайти к Адольфу футбол по телевизору посмотреть. А тут что-то ёкнуло прямо, не знаю... Боли у него, особенно последние два месяца, страшные, нечеловеческие. Ну, рак, что же вы хотите... Последствия тяжелого ранения, как говорится. В терминальной, так сказать, стадии...

– В терминальной, – бормочет себе под нос доктор Данилов, рассматривает, наклонившись к тумбочке у кровати, выпотрошенную пачку какого-то препарата, нюхает почти пустую – осталось лишь на доньшке немного – бутылку водки «Пшеничная».

– Что, я извиняюсь? – наклоняет старик голову и приставляет к уху ладонь.

– Да неважно, – док стремительно выпрямляется. – Феназепам. Таблеток тридцать как минимум заглотил. И водкой запил. Грамотно. Коля, – бросает он фельдшеру, – похоже, совсем недавно выпил! Должны вытащить. Студент, помогать будешь...

Минут через сорок, может, позже – несёмся по утренней пустой Москве в горбольницу на Вавилова.

На пациента смотреть страшно: очень худой, се-

рый весь, глаза запали, круги под ними, прикрытые веки как-то неестественно подрагивают.

– Ох, ребята, ребята, – выдыхает он. – Какой чёрт вас принёс...

– Адольф Иванович, не разговаривайте. Юра-а! Выруби радио на хрен! – кричит док водителю. – С ума сошёл, что ли?!

– Постойте, – вдруг открывает глаза Адольф. – Пусть играет... Это моя любимая... «Давно мы дома не были» называется... Я её ещё с Кёнигсберга помню... Концертная бригада к нам тогда приехала... Классно пели...

Через четыре дня я упрямил врача пропустить меня в палату.

– Ну, ты сам подумай своей умной головой, Кость, – какой репортаж?! Что я, пятидесятивосьмилетний мужик, малодушно пытаюсь покончить жизнь самоубийством? На войне сапёр Зяблик выжил, а тут...

– Ну, давайте не буду я писать про это... Ну, там, сердце прихватило... Вы же герой войны, Кёнигсберг штурмовали, у вас пять боевых орденов...

– Слушай, Констанций, – устало прерывает меня Адольф Иванович, улыбается и смотрит так, что я чувствую себя идиотом. – Дай мне помереть спокойно, а... И вот ещё что: не привирай, не лакируй её...

– Кого? – глупо спрашиваю я.

– Кого, кого... Действительность, туда её в кафель... А ты знаешь, – вдруг приподнимается он на локте. – Тогда, поначалу, песню пели немного иначе. Помнишь, там слова есть – «в Германии, в Германии, в далёкой стороне»? Ну, помнишь? Во-о-от, а поначалу было «в Германии, в Германии, в прок

л я т о й стороне...» Какая же она для нас была далёкая? Проклятая и была... А ты, судя по фамилии, не осетин ли? Да? Хорошие они ребята, осетины. У меня кореш был осетин. Только фамилия у него была какая-то неосетинская, Берёзов, ага... Убили его в 44-м... Знаешь, Коть, вот сколько лет прошло, я слушаю эту песню, почти все куплеты держусь, а на словах: «...Лети, мечта солдатская, к дивчине самой ласковой, напomini обо мне...» не выдерживаю, ломаюсь и слезу пускаю... Ладно, ступай. Устал я... А через недельку жду тебя в гости...

... Я позвонил ему через две недели. К телефону никто не подошёл. Потом ещё пару раз звонил... Наконец поехал не дозвонившись. Дверь была опечатана. Спустился, сел на лавочку. Закурил. Вдруг слышу откуда-то сверху: – Костя, Костя!

Это звал меня сосед Адольфа, Михаил Егорыч.

– Он из больницы так и не вышел... Доконал его рак. На войне ему позвоночник в госпитале залатали, так болезнь его настигла годы спустя... Я его в больнице успел навестить. Родни у него не было, детдомовский он. Супруга его, Валя, лет шесть тому назад погибла, спешила в аэропорт Адольфа встречать из командировки. На такси, значит, ага... Детишек у них не было...

...Песня та, написанная Соловьёвым-Седым и Фатьяновым в майском Кенигсберге – теперь и моя любимая. И я держусь, слушая её, почти до самого финала. Но на словах: «Лети, мечта солдатская, к дивчине самой ласковой, напomini обо мне...» – не выдерживаю, ломаюсь. И пускаю слезу.

□

Константин Аланович АБАЕВ –

журналист, режиссёр, сценарист, художник и продюсер.

Родился в 1965 году в Тбилиси.

Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Работал на Первом канале корреспондентом, комментатором и ведущим с 1987-го по 2000 год.

Автор и режиссёр нескольких документальных фильмов, среди которых «Чёрная кошка», 1990 г.

(совместно с Олегом Вакуловским), «Горячие дни в октябре», 1993 г.

В 2017 году окончил Высшие курсы сценаристов и режиссёров (мастерская В. Меньшова, В. Тумаева, Н. Рязанцевой).

Режиссёр и автор сценариев короткометражных художественных фильмов «Спиридон» (2016) и «Соло» (2018).

Литературный дебют – журнал «Урал», №7, 2023 г.

В журнале «Север» публикуется впервые.

